

Центральное волотно триптиха «Свадьба в Ужале» П. В. Сизова возвращает нас к его же композиции из серии иллюстраций к «Нарспи». С 1947 года работает Сизов над иллюстративными решениями к «Нарспи». Неоспоримо велик творческий шаг Сизова от первых иллюстраций до последних. Точнее, цельнее воспринимаются композиции линогравюр, цветные пятна, свободнее летит линия рисунка.

Композиционная уравновешенность, гармония рисунка наиболее достигнуты в листах «Пастушок», «Узнахаря», «Свадьба». Последний (свадебный муж-

родная песня наполненным и личным переживанием с ребристых монет женского наградного украшения. Все сочетается в миттовской Нарспи — и трепетная чистота души, и величаявая осанка, и простодушная наивность, и природная гордость. Гордость, которая приводит к трагическому концу, к гибели Нарспи, не подчинившейся законам отцов, но смертью своей оставшей против безжалостной женской судьбины.

Произведение художника, следующего за автором поэмы в типизации и образности, поднимается до высокого художественного обобщения.

На них в работах Григорьева достигает графического пафоса. В его листах мы найдем «портрета» Нарспи. Художник не х ет аду мывать лицо героини, решает ее силуэтно, но этом он не только не теряет ее характер, а всем рн его обостряет.

Не с радостных эпизодов детства и юности Нарспи начинается своя «позму» Григорьев. Его первый лист сравнительно многоконтрастных сопоставимых пятен и линий, ласкающего леса, нерешительных, печальных силуэтных фигурках влюбленных. «Большой души» Нарспи отрывает художник свою первую странницу. В листе «Страдание» в молочно-белом окружении нежный рисунок фигурки Нарспи в своих мягких изгибах напоминает силуэт струящейся реки, полной горьких слез.

Резким, кричащим становится композиционное построение листа «Бегство». Обезумевшая от страха и ужаса содеянным бежит Нарспи из ненавистного тохаманова дома. В равном просторстве ночи, освещенном луной, фигурка Нарспи кажется еще более хрупкой и беспомощной. Искаженные тенями силуэты деревенских домов, полосы заборов и плетней, сверху, снизу, с боков — все острые углы, клинья, словно колочные стрелы вражьей силы, направлены на Нарспи, окружают, обрушиваются на нее в немом безмолвии.

Размер композиции «Встреча» самый маленький, словно художник боится показать нам счастливую Нарспи. Но и здесь в замкнутости композиции — глубокое понимание законов линейных и цветовых созвучий. Лист «У Сетнера», пожалуй, единственный, так остро передающий психологические характеристики конкретных, «портретных» лиц. Противостоят друг другу властные, требовательные, злые родители Нарспи и тихая, покорная мать и ее сын Сетнер. А между ними Нарспи, умоляющая и одновременно восстающая, непокорная. Ее характерный «григорьевский» силуэт — простой и строгий исполнен монументального величия. Тема «Злодеяния» скорее повествовательная. Ритмичкой анкордовращающихся на протяженной ноте скорбного плача, звучит композиция «На рассвете».

Завершает Григорьев свою серию темой последней главы поэмы — «Уходом Нарспи». Это не просто уход ее из деревни, а уход от себя, уход из жизни. В черном квадрате вертикального листа умещен переосмысленный светлый квадрат. Узкая трапецевидная тень легла позади уходящей Нарспи. А легкие скобки изгибающейся дороги превращены полосами черной рамки, навязчиво напоминающей очертания последнего пристанища человека; они перерезают и замыкают всю композицию листа. От первого к последнему листу возрастает динамика контраста линейного и цветового, чеканного и сурового языка графических образов, возрастает динамика психологического трагизма «поэмы в гравюрах» художника. Драма Нарспи Григорьева — это драма чувашки, драма женщины, драма любви вообще.

Свыше ста работ живописных и графических представлено на выставке. Различен подход художников к теме «Нарспи». В историю иллюстрирования «Нарспи» чувашскими художниками вошли быто-описательные силуэтные «концовки» к главам поэмы Г. Д. Харлампьева, изысканные и виртуозные по технике исполнения пером листы «Нарспи» и «Сетнер» заслуженного художника ЧАССР В. И. Агеева, лирично-печальные акварели к «Нарспи» самой молодой участницы выставки Наталии Григорьевой.

Есть на выставке пейзажные произведения художников, бывавших в последние годы на родине К. Иванова в Слакбаше (заслуженные художники ЧАССР П. В. Сизов и В. Л. Немцев) и показавших новую родину великого чувашского поэта и существующие еще старые уголки пейзажей, столь поэтично воспеты в поэме.

Выставка дала возможность убедиться в высоком общечеловеческом звучании поэмы Константина Иванова, давно ставшей национальным и интернациональным достоянием.

М. КАРАЧАРСКОВА,
искусствовед.

ВЫСТАВКИ

БЕССМЕРТНЫЙ ОБРАЗ

ской хоровод) по праву можно назвать лучшим. Сложное по ритмике прочтение листа «Плач невесты» — интересно, но за внешней красотью деталей одежды, «красной» занавески художник потерял внутренний динамизм сцены и не смог подняться до «плача» спиритовской «Невесты».

После поездок в деревню Слакбаш Башкирской АССР Сизов утверждает в выборе костюма Нарспи из клетчатой пестряди, что дает больше возможности художнику внести в гравюры изобразительную конкретность, большую декоративность. Но при этом утрачивается возможность показа характерной, знаменитой на весь мир национальной чувашской вышивки (а ведь художник так точен в передаче клеточек, полосочек, однотонных нашивок из лент). Утрачивается белый костюм девушки-невесты — воплощение лучших национальных традиций, характерных для всех этнических групп чувашской народности.

Достигнув в своей последней творческой работе наивысшего технического мастерства, путь к которому был долгим, Сизов, думая, ушел в сторону от проблемы глубокого проникновения в трагический образ Нарспи и драматизма событий поэмы К. Иванова. Его иллюстрации, хотя и изданы в Москве издательством «Изобразительное искусство» в 1976 году в серии открыток, носят все же повествовательный характер.

Искусство А. И. Миттова (1932—1971) воспринимается по-разному. Да, трудно сразу отрешиться от того, что стало знаком, привычно для нашего глаза. Миттов в своих иллюстрациях и оформлении поэмы К. Иванова (оригиналы хранятся в Научно-исследовательском музее Академии художеств СССР) и в серии «По мотивам «Нарспи» сумел найти новое образное воплощение замысла основоположника чувашской поэзии. Он не просто вторит сюжету поэмы, а углубляет, расширяет ее прочтение, поет свою, тоже чувашскую песню, органично слившуюся с песней К. Иванова.

Отгалкиваясь от образно-эмоционального строя поэмы, художник показывает нам Нарспи (книга в оформлении и с иллюстрациями Миттова издана посмертно в 1976 году Чувашским книжным издательством), сравнивая ее с синеньким цветочком (чувашская на-

Из чудесного поэтического описания национального свадебного обряда в поэме К. Иванова Миттов извлекает не столько мягкий, проникновенный лиризм, сколько трагедийность. И то, что в поэме живет в подтексте, Миттов выводит на первый план, делает главным и существенным.

В миттовских миниатюрах художественные подробности национального костюма, народного обычая, детали быта, становятся этнографической ценностью. Они говорят о неповторимой авторской самобытности, индивидуальности. Часто в произведениях Миттова человеческие фигурки угловаты, несколько искажены по пропорции. Но это не стилизаторство. Познавая и переосмысливая искусство вообще, художник еще острее и глубже понимал и осознавал неповторимость своего национального искусства. «Нарспи» А. Миттова — самостоятельная яркая страница чувашского искусства.

А вот прежде чем говорить о серии гравюр к «Нарспи» заслуженного художника ЧАССР И. Т. Григорьева, исполненных в 1970 году, необходимо вернуться в 1937-й. Выпускник Московского полиграфического института, ученик выдающегося советского графика В. А. Фаворского, Иван Григорьев первой самостоятельной своей работой избрал тему «Нарспи». По его рисунку была выполнена Ф. С. Быковым первая по «Нарспи» гравюра на дереве — «Пастушок». Несходство творческих почерков, различное понимание технического исполнения гравюры привело к тому, что в 1940-м году выходит книжка «Нарспи» с иллюстрациями только Быкова. Григорьевский же «Пастушок» и на сегодня продолжает оставаться одним из первых шедевров чувашского графического искусства.

В течение всей жизни Григорьева не оставляет в покое тема «Нарспи». Исподволь у него накопился такой большой материал, что когда на художника обрушилось несчастье (почти 19 лет он заперт в стенах своей квартиры), эскизы и варианты прошлых лет оказались тем арсеналом, который и привел к созданию интересной серии иллюстраций. В его гравюрах — напряженность повествования, динамика стремительно развертывающегося сюжета.

В гравюрах к «Нарспи» полностью раскрылось дарование Григорьева-графика, его творческого мышления и художественного языка. Его линогравюры не представляют собой полный перечень основных тем поэмы К. Иванова. Названия его листов не повторяют названия глав литературного произведения. Но драма жизни